

Русский — «иностранец в России»

Борис Инфантьев

Русский — иностранец в России. Такие довольно многочисленные русские выступают в романе — исторической хронике «Таурупский Роман» («*Taurupes romāns*»).

Автор — советский писатель-коммунист, остающийся на своих идеологических позициях и во время написания романа (в отличие от «кающихся чекистов» — латышей, которые в своих изданиях в независимой Латвии стремятся представить русских и русскоязычных чекистов в самом что ни на есть ужасном свете).

Специфика русского человека, выступающего в книге Мартиныша Криевиньша, своеобразна в том отношении, что с одной стороны такой русский человек остается привилегированной нацией и в царской России, и «старшим братом» в Советском Союзе. И в то же время главный массив населения в латышской колонии Таурупе — латыши, а русские здесь приобретают статус вроде «иностранца».

* * *

Собачья слобода (под Ростовом)

Стр. 27.

— Кузменко перепился с радости: очередная жена опять при месте, не сможет получить новую. Я пошла к нему, говорю:

— Как же будет, Терентий Иванович, мне тоже придется слезинку пустить по покойнице?

— Да, — он говорит, — ты пришла как званая в самое настоящее время.

— Я готова тебе всегда послужить. В про-

шлый раз у нас было две плакальщицы? Теперь тоже пустим? Меньше вроде неудобно. Бог милостив, вот уже третью хороним, надо взять трех. — А сама думаю, как бы, непутевый, не рассердился, что я навязываюсь со своим советом.

— Что? — он говорит, — трех? Нет, семерых, восьмерых лошадей и семерых плакальщиц. Ни одной лошадей, ни одной плакальщицей меньше! Настенька у меня была хорошая, тихая, послушная жена, и я у нее в долгу не останусь. Пусть все видят, пусть слышат, пусть смотрят, пусть завидуют, как я любил свою Настю. Семь и не меньше! Ты, Мария, меня знаешь, да?

— Да, — я говорю, — пусть Бог жалостлив, не первую хороним.

— Я хочу, говорит, чтобы все было как ни у кого. И своим подружкам скажи: хорошо поработают, каждой по пятерке дам. Чтобы было все по чести, как полагается. Я сам все могу оплатить!

— Что ты, батюшка, Терентий Иванович, — я говорю, — разве я из-за денег! Мы ведь все Настеньку любили, пусть ей земля пухом! Я из-за того борова совсем забегалась, но раздобыла только пять, сама шестая. Такого количества плакальщиц ни на одних похоронах еще никогда не бывало. Кое кто из моих заболел, старые курицы, но с другой улицы не хотелось брать. Неизвестно, как сработают. Люди теперь бесстыжие, Бога не боятся...

Стр. 28.

— Ерунда! Чего там надо уметь? Кри-

чи, только вместе с нами и все будет хорошо. Я тебе эти слова и стишки сейчас научу. Там нужно больше голосом, особенно тогда, когда гроб опускают в могилу. Тогда нужно так сорвать, что у покойницы глаза вылупятся от удовольствия.

Стр. 29. (Плач Марии)

— Милая Настенька, наше солнышко. Почему ты так рано закатилось? Зачем ты нас, сироток, оставила, почему не взяла с собою? Ты наша голубушка! Мы пойдем с тобою, Настенька, мы не можем без тебя жить!

Стр. 34.

В Собачьем селе улицу покрывал густой и мягкий слой пыли. Когда дети брели через улицу, ноги утопали в пыли. Заборы, стены сельских будок, стекла на окнах, запотевшие подбородки и носы детей всегда были покрыты густым слоем пыли. На заре пыль заканчивали смешивать возчики «золота». За их лошадьми, которые были запряжены в скрипучие телеги, с большими грязными бочками на них, оставалось вонючее облако. Тут же, в противоположном направлении, в город начинали въезжать ломовые извозчики, казаки, которые отправлялись на рынок на запряженных быками подводах. И так до позднего вечера пыль больше не садилась.

Каждое утро посередине улицы на учения шагали солдаты и под вечер возвращались домой. Во время учений за городом их приучали обходиться без воды, поэтому по вечерам, возвращаясь домой, они, мучимые жаждой, совсем не хотели пить. А фельдфебель, семени по краю улицы, громко высчитывал: «Ать, два, ать, два!», — приказывая начинать пить. Роте при входе в город нужно маршировать браво, весело. Солдаты высохшими губами и потрескавшимися губами равнодушно тянули веселую песню «Соловей, соловей, пташечка, малая моя!»

Фельдфебелю не удавалось пересилить жажду солдат даже тогда, когда по улице шла какая-нибудь женщина с коромыслом на плечах. Среди марширующих находились такие у которых муки жажды оказывались сильнее наказания, которое их ожидало после, в казарме, за нарушение дисциплины. Обычно не могли удержаться новобранцы, которые шагали в последних рядах роты. Увидев коромысло с водой, солдаты выскакивали, большими прыжками подбегали к женщине, срывали с крючка ведро и дрожащими руками подно-

сили к своему рту. Вода широкой струей лилась вдоль подбородка, за шиворот, за штаны и на землю. Они успевали сделать только несколько глотков. Женщина пугалась, теряла равновесие, и с криком падала. Шум обращал на себя внимание фельдфебеля. Он останавливался, поворачивался в сторону солдата и шевелил усами. Этого нарушителю дисциплины было достаточно. Он, выпучив глаза, уже все время косился в сторону начальника и теперь, увидев грозные усы, окончательно приходил в сознание. Бросив ведро на землю, он кидался обратно в строй. На улице вместе с запачканными ведрами оставалась сидящая носительница воды. В роте опять водворялся порядок.

Стр. 35.

Большие облака пыли, которые, как густой туман, стояли в воздухе по несколько часов, поднимали огромные гурты скота, которых гнали в Ростов на бойню. Свистели длинные кожаные кнуты погонщиков, мычали коровы, кричали люди. Овечьи гурты вели козлы: старые и уважаемые, как священники, с пожелтевшими грязными животами, бородами и красными глазами, как у чертей. Их сопровождали большие собаки волчьей породы. Скот, мыча, томимый жаждой, ломился во дворы и совал рогатые головы под навесы, где готовилась еда — в кухни, сени, и выпивал ведра, суповые кастрюльки и бельевые ванночки. Еще на другой день женщины Собачьей слободы со стонами вспоминали о содеянном разорении и неизвестно почему сравнивали его с татарским нашествием на Русь.

Раз в месяц из Ростовской тюрьмы через глубокую уличную пыль стражники гнали закованных в кандалы людей. Чтобы кандалы так сильно не въедались в ноги, арестованные их придерживали рукой и шагали, широко расставив ноги, почти не сгибая их в коленях. Поэтому уже первые ряды погружались в облако пыли, не говоря уже о последних. По звучанию кандалов приближение арестованных слышно было издали, и как только они появлялись в конце улицы, все жители Собачьей слободы, большие и малые, старые и молодые, побросав свою работу и игры, останавливались и смотрели на арестованных.

В первых рядах шли более сильные и здоровые. У них были до половины сбриты головы, длинные бороды и горящие глаза. В конце колонны в густом тумане пыли, опустив головы и вобрав в себя плечи, тащились более

слабые, многие из них непрестанно кашляли. В самом конце, на подводах везли старых и больных.

Несколько поодаль, не выдерживая определенное отдаление, брела кучка женщин. Это были жены арестованных, которые добровольно следовали за своими мужьями на каторгу.

Ночами на пересылочных пунктах и в тюрьмах они находились вблизи мужей, униженно просили и кланялись усатым рожам, выносили издевательства стражников, насмешки и унижения, а днем вместе со своими мужьями измеряли бесконечно тяжелый путь арестантов. Внешне женщины отличались от своих мужей только тем, что их руки и ноги не были в оковах. В остальном — такая же одежда, видевшая солнце, дождь, ветер и грязные арестантские помещения. Тощие, измученные люди, фанатично и лихорадочно горящие глаза и походка людей, до смерти уставших.

Хотя вокруг такой толпы всегда были возня и большой шум, они сильно напоминали похоронную процессию, особенно когда арестанты тянули однообразную печальную песню «Солнце всходит и заходит».

Стр. 36.

Каторжан со всех сторон окружали стражники, которые шли один за другим в определенном отдалении с саблями через плечо. Обычно во главе колонны, как гусак, шагала начальник конвоя, стражник Липин, мужчина с жидкими светлыми волосами, впавшими глазами, белыми, вымытыми руками и нечистой совестью. Завершал колонну помощник Липина — Повитухин, человек с узкими плечами и широкими костями бедер. Шагая, он шатался, побуждая мужчин Собачьей слободы громко высказывать непристойные замечания. Черные, густые брови у Повитухина срослись вместе в одну линию. Впавшие глаза и привычка смотреть исподлобья подчеркивали его сходство с преступниками.

Люди Собачьей слободы отзывчиво относились к каторжанам и всячески оказывали презрение к стражникам. Женщины пытались бросаться сквозь цепи конвоя и всунуть арестантам в руки кусок пирога с капустой или картошкой. Другая, в свою очередь, услышав на улице звон оков, бежала к плите, срывала крышку с обеденной кастрюли, вытаскивала из капусты единственный кусок мяса, и, завернув его, дымящегося и теплого, в белую тряпку, давала наиболее ловкому слободскому мальчишке, чтобы доставить подарок безраз-

лично кому-нибудь из закованных в железо. Такие поручения всегда выполнялись без возражений и охотно.

Осенью улица в Собачьей слободе превращалась в огромное болото, где днем хрюкали свиньи и поздно вечером, утопая в грязи, орали пьяные, где извозчики палками кнутов били лошадей по голове, если те не могли вытянуть воз на обочину.

На другой стороне улицы домов не было. Там вздымались телеграфные столбы, а на проводах, как на линейках нот, из ласточек, воробьев и хвостов бумажных змеев формировались ключи и нотные значки. Если приложить к столбу ухо, казалось, что изнутри звучит музыка, которую по этим нотам играет невидимый оркестр.

Вдоль дороги тянулся глубокий, поросший лопухом овраг, за ним цвела небольшая рощица акаций, которая была названа парком. Там по субботним вечерам и по воскресеньям звучали песни, гармошка и крики о помощи. Утром в понедельник полиция в парке находила убитых, задушенных или повесившихся. Слободские девушки и женщины там сводили счеты с нарушителями клятв и соперничали, наливая виновным в глаза серную кислоту. Существа энергичные, встречая идеал своей любви в парке с другой, порцию серной кислоты выпивали сами и умирали в ужасных страданиях.

Стр. 37.

По воскресеньям в парк приходил лохматый человек с шарманкой на одном плече, с попугаем на другом и с коробочкой предсказаний. Установив свой музыкальный инструмент на деревянной ноге, он крутил ручку и печальным, противным голосом пел: «Маруся отравилась, в больницу отвезли...» На веревке, за ногу привязанный попугай вертелся на шарманке, клювом чистил яркие перья и что-то кричал на своем языке. На шарманке находилась и коробочка счастья, которая была набита отпечатанными в типографии листками, на которых было написано, какая судьба и какое счастье ожидает человека. Все это можно было узнать, если заплатить три копейки.

Вокруг шарманки толпились любопытные. Девушки Собачьей слободы, поддерживая друг дружку под руки, толкаемые и подговариваемые мелкими усмешками, скрывая застенчивость, подходили к ящику счастья. За спиной стояла кучка парней, среди них и избранники. Все же вернее проверить и узнать

определенно, что тебя ожидает в будущем.

Первая песня спета. Мужчина переключает рычаги шарманки и играет следующую — «Судьба играет человеком...» Получив от девушки теплую и запотевшую трехкопеечную монету, лохмач на полуслове обрывает пение и обращается к попугаю: «Гар-р. Отыщи судьбу барышни!»

Попугай сразу начинает оживленно шевелиться и толкаться по коробке счастья и клювом вытаскивает цветную бумажку с напечатанным текстом. Иногда птица ошибается и вытаскивает несколько бумажек, несколько разных судеб одновременно. В таком случае старичок, не прекращая вертеть рычаг, левой рукой помогает попугаю отыскать и вытащить настоящую судьбу девушки. Девушка быстро хватается ее и, убежав на несколько шагов в сторону, начинает читать. Вокруг собираются подружки. Сдвинув головы, они берутся объяснить загадочные предложения и предсказания.

Лохмач в это время, подняв вверх грязную, на одну сторону повернутую бородавку, играет веселый шлягер «Пупсик, мой милый Пупсик!» С профессиональной улыбкой он приглашает уважаемую публику радоваться вместе с ним. Но толи потому, что рычаг вертел слишком быстро, или по иной причине, веселая мелодия звучала еще хуже, чем предыдущие. Шарманка шипела, икала и кашляла, с шумом вбирала в себя воздух, как загнанная лошадь слободского водолаза. Слушать шлягер о Пупсике было совсем не весело.

Стр. 38.

В слободе было много собак, воров и пьяниц. Собаки бегали по улицам и дворам. Так как летом пищу готовили на вольном воздухе во дворе и под навесом, то съедалось все, что повараха хорошо не спрятала. В жаркое время много собак становилось бешеными и бегали повсюду с красными выпученными глазами, рассеивая по земле белую пену. В слободе возникала паника. Женщины бросались на улицу, хватали своих малышей за шиворот и тащили домой. Кричали и женщины, и дети, кричали мальчишки, залезшие на забор и крышу.

Собак регулярно вылавливали. В слободу въезжала двухлошадная повозка с огромной железной клеткой. В клетке лаяли, выли, дрались собаки разных мастей, величины, цвета и степени злобы, которых изловили на других улицах. Среди блуждающих собак были и такие, которым однажды уже удалось вы-

рваться. Их нельзя было так просто поймать. Как только в конце улицы Собачьей слободы появлялась воющая клетка, эти ветераны тут же разбежались. Они знали, что им угрожает. Позднее, когда охота прекращалась, беглецы понемногу появлялись опять.

Но охотились не только на бродячих собак. И на воров тоже. Эти события вызывали не меньший интерес. Городовой, которому было поручено наблюдать за слободой, хорошо знал всех воров, но из-за различных многочисленных причин их не трогал или не смел трогать. Все же когда в слободу приезжал пристав со стражниками, городовой должен был показать свое усердие. Охота на воров обычно устраивалась после какого-либо крупного преступления в городе. Тогда проверяли все улицы. Был большой шум, много свистели, кричали, бегали и даже стреляли. Полиция, соответственно, демонстрировала прилежание, но результат по сравнению с поднятым шумом был ничтожный.

Воры, так же как и бродячие собаки, руководствовались им одним известными способами — прыжками, и никогда не прятались там, где полиция их искала. Но если кому-либо из них предыдущим вечером случалось сильно напиться, и он не был вовремя информирован об ожидаемой охоте или по другим причинам попадал в страшное положение, это отнюдь еще не означало, что все потеряно.

Резко свистят свистки стражников и городских. По улице бежит Петька, прозванный «Золотая Ручка». У него на одной ноге ботинок, другая босая. У синей шелковой рубашки оторван воротник. Можно понять, что его поймали, когда он одевался, но вырвался. По следам Петьки в нескольких шагах за ним, сопя, бежит городовой. С другого конца улицы два стражника. «Стой! Стреляю!», — кричит городовой и правой рукой хватается за револьвер. Вдруг из-под ворот высовывается длинная жердина и городовой спотыкается. Гремя саблей и другим подвешенным железом, он растягивается во весь рост на земле. Сухо звучит выстрел из пистолета, ибо упавший надал на курок. Пуля перед его носом тут же ударяется о камень и, звеня, летит в воздух. За это время Петька уже перелетел через забор. Улица оказалась пуста и тиха. Городовой, потирая локти и колени, поднимается. Оба стражника тут как тут. Все совещаются и решают прочесать двор, из которого была высунута жердь. Но за воротами уже нет ни единой живой души.

У пьяниц на слободе была хорошая жизнь. Их совсем не гоняли. Они могли лежать на улице и вдоль, и поперек, орать или ругаться — никому не было до них никакого дела. За рубежом Собачьей слободы, в центре города, таких удобств не было. Там только за одно лежание на тротуаре, не говоря уже о середине улицы, в отделении полиции так обрабатывали кулаками, что каждый, кто туда однажды попадал, запоминал это на всю свою жизнь. Если городской находил лежащего на улице пьяницу, прежде всего, там же, на месте, больно растирал ему уши, чтобы скорее привести в сознание, затем вталкивал в повозку и увозил в полицейский участок, где били.

Совсем иное дело было в Собачьей слободе. Здесь можно было лежать или ползать по обочине дороги — между людьми или посередине улицы — между свиньями, которые с одинаковой благосклонностью валялись как в пыли немощенной улицы, так и в грязи. Для измерения степени опьянения здесь не применяли государственную инструкцию, но оценивали своими словами — «полный, как пруд», «шатался, как дым» и сходные.

Стр. 39.

В субботу после обеда платили жалование на заводе Аксая, и работу кончали в 2 часа. У ворот стояла толпа женщин, в том числе и с Собачьей слободы, которые приходили присмотреть за своими мужьями, чтобы они всю свою заработанную плату не снесли в трактир. На середине дороги разбирались семейные дела.

— Чего ради ты сюда притащилась? — Как бы впервые увидев здесь свою жену, спрашивал мужчина.

— Разве ты не знаешь? Чтобы увести домой.

Кто-то со стороны шумит:

— Она ведь голова семьи, а не ты! Твоя телячья участь только слушать жену.

— Митенька, — шепчет женщина, — ты ведь знаешь, что дома есть нечего, ты сам видел, что вчера заняли хлеб у Михоевых. Ну, прошу, милый, не иди! Я купила тебе четвертушку, выпьешь дома за обедом.

Женщина падает на колени, цепляется за карманы пиджака мужа и умоляюще смотрит в глаза добытчика хлеба.

Кругом собираются любители скандалов.

— Прочь, — выкрикивает мужчина. — Я сам знаю, что надо делать, куда идти. Я зараба-

тываю деньги! — кричит, пытаюсь освободить пиджак.

— Ты, Михайло, пойдешь или нет, кричит кто-то из дружков.

— Оставь его в покое! — другой нарочито громко кричит. — Ты же видишь, что он под каблуком своей жены.

Эти слова попадают в цель. Мужчина быстро вырывается из рук жены и хочет уйти с друзьями. Но жена успела ухватиться за штанину. Оба дружка шутят:

— Мишка, смотри, как бы жена тебе на улице не стащила штаны. Таким тебя в трактир не пустят.

Муж сердится на поведение жены перед людьми, за насмешки, сыпавшиеся со всех сторон. Рот и горло тоже пересохло, страшная жажда... И здесь такая преграда! Он ничего больше не чувствует. Толкает жену ногой в грудь и, не оборачиваясь, быстро уходит. Женщина вскрикивает и остается лежать на улице.

Но не у всех оканчивалось так же печально, как у этой. Науменко ожидали жена, сестра и мать. Юношу сразу взяли в плен. Его дружок напрасно пробовал спасти деньги, которые сразу попали в руки женщин.

— Коля, над тобой уже три каблука господствуют? Что ты за мужчина?

Дальше друзья не смогли продолжать. Женщины дали отпор и дружку. Мать охраняла сына, жена с сестрой, как тигрицы, бросились на насмешника. Жена Науменко, высокая и дородная женщина, как из-под земли выросла перед парнем; прижимая его высокой грудью к забору, она грозила:

— А ты, собачий хвост, повтори еще раз, что ты сказал!

— И скажу! Что ты думаешь — я тебя боюсь, как твой муж? — перечил он.

Но, отступая, парень стукнулся затылком об забор фабрики и увидел вокруг себя других женщин, которые смотрели на него злыми глазами.

— Что там с этим поросенком так долго говоришь? Снять с него штаны и по голой жопе крапивой, сразу перестанет болтать.

Женщины готовы были таким подстрекателям вырвать язык и выцарапать глаза. Если бы удалось прижать к стенке и штаны сорвать, парню не было бы спасенья.

Стр. 42.

— Ха-ха. Смотри! Дунька отняла у Лизы

сожителя! Почему ты, Лиза, так легко подда-лась? Я бы той дамочке выцарапала бы глаза, я бы ей юбку на голове завязала бы, задницу де-гтем намазала — сочувственно поучала сосед-ка. — Я ее знаю. Она из Батайска. Уже несколь-ко семей разорила. Таскается здесь, чертовка.

Стр. 44.

Во второй половине лета, как уже стари-ки в день солнечного затмения предсказывали, началась Первая мировая война.

По улицам Ростова с криками, друг друж-ку под руку придерживая, разгуливали пья-ные рекруты-новобранцы. Особенно много их было в Собачьей слободе. Надев лучшие одеж-ды, сдвинув шапку на затылок, новобранцы с женами, невестами, любовницами и друзья-ми бродили из дома в дом. Всюду их хорошо принимали и угощали. Опьяневшие невесты и любовницы плачущим голосом подтверж-дали свое постоянство новобранцам песней:

«Одену черно платье,
Монашкой стану я,
Всевышнему клянусь я,
— Я замуж не пойду».

Стр. 45.

Городовой, увидев такую толпу, идущую по улице, убирался подальше. Прощаясь, но-вобранцы рассчитывались за все и между со-бой, и с друзьями, родичами, и с полицией. Стражам порядка даже с одним опьяневшим встретиться было небезопасно. Подходит та-кой к городовому, руки в карманах, шатаясь, становится перед ним и спрашивает:

— Ну, рожа, чего стоишь и пучишь свои глазенки? Почему не свистишь? Российско-го солдата, который отправляется защищать веру, царя, отечество?

Иной раз бесстрашного схватили бы — и в участок, где заплатил бы своими зубами за такое поведение, а теперь нельзя каждого та-щить в полицейский участок. Вся Россия пила, все новобранцы напивались. Тогда потребова-лось бы всех арестовать за нарушение порядка и оскорбление полиции. Поэтому городовой дружелюбно отвечал:

— Ну-ну. Ходи своей дорогой дальше!

Все же вопрошающий таким ответом удов-летворялся. Дыша полицейскому в лицо ал-когольным духом, он неотступно спрашивал, почему блюститель порядка не записывается добровольцем на фронт, чтобы защищать ца-ря-батюшку, а остается в тылу вместе с женой. В соответствии с пояснением начальства, это

уже не политика, за такое разглагольствование можно вести в участок, но не хочется возиться, ибо в Собачьей слободе, если кто обидел ново-бранцев, поднимаются крики. Еще неизвестно, что на это скажет господин пристав. Поэтому полицейский передвинул «селедку» на потре-панном кожаном поясе дальше на бок, взялся за свисток и отодвинулся подальше. Так они шли по улице: городской впереди, а защитник царя позади. Шли, пока опьяневшему не надо-едало или его внимание не привлекал какой-либо другой объект, более значительный, чем усатая красноватая рожа городского.

Таурупе

Стр. 164.

По воскресеньям или на православные праздники на Таурупской улице господствует большое движение. Из соседних русских де-ревень на базар в Степной и в церковь течет людской поток. Богачи едут на роскошных тачанках. Большая часть торговцев, особенно ближайшие соседи, проезжая мимо дома Бо-байса, заезжают во двор. Менее богатые сосе-ди едут в бричках по несколько семей вместе, иногда даже усевшись друг другу на колени. Чтобы из-за стука колес один другого мог ус-лышать, разговаривают громко, так, что уже издали можно узнать, кто едет. Поток людей начинается с пешеходов. Рано вышедшие из дома, первыми проходят через Таурупе. Мо-лодые парни и девушки идут кучками, гром-ко разговаривая и смеясь. У парней на головах яркие кепки всех цветов радуги, а на ногах, не-смотря на погоду, сапоги с блестящими рези-новыми калошами.

Девушки идут в церковь себя показать и других посмотреть. Они одеты в светлые пла-тья, а чтобы солнечные лучи не испортили кожу на лице, нос и щеки намазаны помадой. Кажется, что на лицах у них белые маски. Что-бы не подумали, что у девушек только платья на теле, надо немножко выпустить кружевной край нижней юбки, но так, чтобы он как бы нечаянно вылез, а сама об этом непорядке в туалете даже не подозревает. Эти кружевные края, их ширина характеризует вкус девушки, а также то, как высоко она ценит свое имуще-ство. Одна выпустила свой кружевной край на один палец, другая — на целую ладонь.

Бобайс смотрит на молодежь:

— Дикари, что дикари! В России на эту помаду используют больше исходного мате-риала, чем для изготовления смазки для теле!

Бабы ходят белые, как стены, а брички скрипят!

Из Степной соседи ехали домой рысью и с еще большим шумом. Кое-кто на базаре порядочно нагрузился, поэтому на обратном пути пели и кричали.

Стр. 165.

Трясаясь по пашням в такой необычной позе, богомольцы по-русски с украинским акцентом поминают собак, их хозяев и Богородицу. Этот неприличный разговор в свою очередь раздражает старого Бобайса:

— Ну, разве не дикари? Им следовало бы дать по мордам.

Для Бобайса все соседи делились на две группы: «порядочные хозяева» и «дикари». Себя он причислял к первым.

Священник ездил на белой кобыле. Отец Василий — в длинной рясе и с соломенной шляпой на голове. Это был тип вульгарного священника с небольшой седеющей бородкой. Ему не были неизвестны человеческие слабости, особенно, что касается «пожалеть» одиноких женщин.

Летом, когда крестьянам некогда было посещать храм, отец Василий сам объезжал ближние русские деревни. У Андрея Григорьевича священник выходил из повозки к Бобайсу.

Люди из русских деревень, встречая своего духовного отца, низко кланялись и целовали протянутую руку. В Таурупе было совсем по-другому. Здесь встречались два равноправных человека, как обычные цивилизованные люди. Сняв шляпу, они сердечно пожимали друг другу руки. Гости всегда приглашали в комнаты, и если время позволяло, тот охотно заходил. С особым удовольствием отец Василий делал визит, когда в горячий летний день ему предлагали кружку холодного пива.

— Не откажусь, уважаемый Андрей Григорьевич, не откажусь. Мы же оба — православные, можем есть и пить из одной посуды. Иное дело с этими погаными, этими заносчивыми немецкими колонистами, которые живут за Степной.

— Мы, латыши, зажиточнее русских, а немцы еще лучше хозяева, и неважно, к какой вере они принадлежат, — так Бобайс начинает свой очередной давний спор. — Каждое воскресенье вдоль нас в церковь идет много православных босиком, а поганые немцы едут на Степной базар на больших красивых лошадях.

Так они беседовали уже много лет. Если отец Василий гостил больше и успевал достаточно согреться, старый Лаздыньш стремился возразить священнику с помощью книг. Он совал ему под нос брошюру Толстого о религии и говорил:

— Смотрите, что великий граф пишет о церкви, о вас, священниках.

Отец Василий, который со времени семинарии не успел прочитать ни одной книги, отмахивался от пожелтевших на солнце брошюр, как черт от креста.

— Я не хочу даже смотреть, куда там брать в руки писания врага церкви и религии, мой сан запрещает мне это делать. — Потом, немного успокоившись, продолжал, — Андрей Григорьевич, мы оба — цивилизованные люди, зачем нам ломать копыя и портить нашу многолетнюю дружбу из-за этих вечных вопросов? Вы, латышские крестьяне, честно зарабатываете свой хлеб, пашете землю. Я, русский священник, слуга Божий, пасу своих овец. Верующие заботятся о моем грешном теле, а я молю Бога за их души. Каждый выбирает свою профессию по силе и по своему желанию.

Чтобы изменить тему разговора, священник на мелодию духовных песнопений начал петь романс легкого содержания. Они сохранились в его памяти еще со времен духовной семинарии.

Стр. 263.

С этими холостяками, родившимися у Волги, они жили в одной комнате, вместе учились и хорошо понимали друг друга.

Саша был физически сильный, среднего роста, с осповатым лицом и плохонькими волосами, особенно на затылке. В день стипендии, выпив пива, он становился сентиментальным. Придя домой, Саша в верхней одежде ложился на кровать, закладывая руки за затылок, широко открытыми глазами смотрел в потолок и плачущим голосом пел о родном городе Самаре, Волге и любви. В такие минуты становилась видной татуировка на его правой руке, на обратной стороне ладони. Как угроза женщинам большими буквами черными чернилами было написано: «Умру неженатым».

Саша был пылкой натурой. Татуировка на руке появилась из-за несчастной любви. Одна самарская красавица обманула телеграфиста, и тот в минуту слабости поклялся, ни в какие дела с женщинами больше не вступать. Чтобы от данного обещания нельзя было отступить, Саша «сжег все мосты в своем тылу», велел

татуировать на руке трагические слова. Но это обещание, данное даже в письменном виде, выдерживать было очень трудно. Первую любовь нельзя было так просто забыть. Поэтому Прокофьев иногда пальцами левой руки тер татуировку, как бы желая ее стереть, и вполголоса напевал: «Я любил так страстно и нежно, что, дай вам Бог, любили бы так меня!»

Прокофьеву не нравилось ходить по улицам города с пустыми руками. Если не было, что нести, он, выходя из дома, вытряхивал на кровать из своего старого портфеля книги и тетради, проводил по коже обувной щеткой, и, свернув его вдоль пополам, совал подмышку.

— Когда я был надсмотрщиком телеграфиста, всегда ходил с сумкой инструментов, и поэтому теперь не могу выйти на улицу с пустыми руками.

По воскресеньям лучшим местом отдыха Саша считал баню. Там он проводил утренние и обеденные часы. Приходя под вечер домой, Саша походил на только что сваренного рака. По понедельникам Прокофьев чувствовал себя свежим и утверждал, что после проведенного в бане воскресенья он как бы снова родился.

Теперь Саша шагал рядом с Грином и размышлял:

— У нас на рабфаке есть тоже такие, как там, в этой вредительской «Промышленной партии».

— Ну?! Кто же?

— Тот самый преподаватель технического рисования. Сегодня на перемене подошел к нему и сказал:

— Я, Ефим Федорович, не понимаю, что такое проекция.

— Ах, так? Не понимаете? — он говорит,

— Хотите, чтоб я вам пояснил?

— Очень прошу! — так я ему ответил.

— Сколько вам лет?

— Тридцать.

— Вы женаты?

— Нет, — я отвечаю.

— Замечательно. Мне будет легко вам объяснить. Сейчас поймете! Вообразите, что вы в Летнем саду сидите на скамейке. Ну, в том самом саду, где раньше на воротах было написано: «Собакам и солдатам вход запрещен!»

— Я тот сад знаю.

— Ну, так очень хорошо! Сидите вы в том саду на скамейке, конечно, рядом с какой-нибудь барышней с нечесаными волосами и углубились в серьезный, даже очень важный разговор. У вас над головой на дереве, на суку сидит пара воробьев. Они тоже углубились в свои воробьиные дела. Ситуация вам ясна?

Вдруг вы слышите и чувствуете — пакш! Это значит, что из воробья выкатился и упал вам на голову пунктик, как бы сказать, визитная карточка. Это и будет проекция.

Иными словами, воробей на вашей голове спроектировал пунктик.

Вспоминая этот разговор и пересказывая его, у Саши даже голос прервался.

— Но скажи, Морис, разве это не вредитель?

— Почему?

— Как он осмеливается мне, старшему телеграфисту, объяснять теорию проекции так вульгарно — при помощи визитной карточки воробья?

— Очевидно, ради очень простой методики

— И почему он у меня, прежде всего, выспросил, женат ли я, и только после этого стал разворачивать свой идиотский метод?

— Он, очевидно, хотел знать, кого рядом с тобою посадить.

— Не понимаю.

— Не может же женатый человек сидеть в саду на скамейке с барышней и болтать с ней.